

© ЭО, 2005 г., № 1

И.В. Зайцев. Рец. на: *Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки* / Отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чиждова. М.: Наука. 2003. 459 с. (Серия "Народы и культуры").

Рецензируемая книга состоит из небольшого предисловия (авторы В.А. Тишков, С.В. Чепко), введения (Л.В. Чиждова), трех частей: "Караимы" (автор-составитель Л.В. Чиждова), "Крымские татары" (авторы Ш.Ф. Мухамедьяров, Л.И. Рославцева, В.А. Сидоренко, В.В. Степанов), "Крымчаки" (И.В. Ачкинази), а также приложения ("К антропологии народов Крыма" С.В. Васильева и Т.К. Ходжайова), библиографии и списка сокращений. Она посвящена "тем современным народам Крыма, которые в настоящее время осознают себя в рамках тюркского этнического пространства, говорят или говорили на тюркских языках, этногенез и формирование культурных традиций которых, несомненно, связаны с Крымским п-овом: крымским татарам, крымчакам и караимам" (с. 8).

В предисловии авторы отмечают новизну представляемого труда, совершенно правильно замечая, что крупных, комплексных исследований по караимам, крымчакам и крымским татарам в отечественной научной литературе практически не было. В частности, они останавливаются на названии книги, справедливо подчеркивая, что термин "тюркские" шире термина "тюркоязычные" и указывают не только на современную языковую ситуацию, но и на происхождение данных народов. В предисловии отмечается, что книга "скорее ставит вопросы, чем дает на них исчерпывающие ответы. Однако если не ставить вопросы, то и ответить на них никогда не удастся" (с. 7). Следует сказать, что коллективу авторов (его состав — тема особая: кажется, так профессионально об этнографии тюркских народов Крыма никто другой написать не смог бы) на многие важные вопросы ответить все же удалось.

Первый очерк, как и указано во введении, "в какой-то мере... подводит итоги более чем столетней дискуссии по этой проблеме в рамках одного и того же корпуса источников". Отлично, что автор-составитель не склоняется к той или иной точке зрения, а пытается объективно, с научных позиций, осветить существующие концепции, оставляя право выбора за читателем. В очерке констатируется: "мифологизация собственной истории в караимской среде продолжается" (с. 15). Особенно ценен этот раздел книги иллюстрациями (вряд ли когда-нибудь еще в обозримом будущем у читателей появится возможность увидеть такое количество прекрасных иллюстраций по теме под одной обложкой), а также использованием неопубликованных и малоизвестных текстов. Автор-составитель в данном случае проделал огромную работу по сбору и обработке караимского материала.

Очень хороши собственно этнографические разделы всех трех основных частей книги — караимской, татарской и крымчакской: и обилие материала, использованного авторами, и его скрупулезная научная интерпретация вызывают безусловное уважение. В раздел "Торговля" гл. 3 части "Крымские татары" (с. 218–219) можно было бы добавить, что соль, а также масло были одними из важнейших товаров, вывозимых с Крымского п-ова в Османскую империю. В османских документах XVI в. о выдаче продовольствия членам султанского семейства постоянно упоминаются эти продукты с определением "кафинские": жир (масло — *tevgan-i Kefe*) и соль (*petek-i Kefe*)¹. Хлеб (пшеница и ячмень) не всегда вывозился из Кафы: вероятно, в неурожайные годы Крым не мог обеспечить себя зерном. Так, есть сведения об импорте пшеницы и ячменя в Кафу из Джаниковского санджака (Самсуна и Синопа) во второй половине XVI в.² Предположения о развитии в средневековом Крыму бортничества и пчеловодства, а также раздел о виноделии (с. 196–198) можно было бы подкрепить специальными работами на эту тему³. В силу того, что книга написана и составлена разными авторами, самостоятельно и независимо интерпретирующими исторические источники, иногда их концепции входят в противоречие друг с другом. Это касается, например, судьбы христианского населения горного Крыма после османского завоевания. С одной стороны, утверждается, что, несмотря на изгнание или обращение в ислам, христиане не исчезли из горного Крыма, и там на протяжении многих веков продолжало жить замкнутой жизнью смешанное население, сохранившее свою религию, культуру и память о предках (с. 9). С другой стороны, говорится о том, что христианское население южного берега и горного Крыма все же вынуждено было либо покинуть побере-

Илья Владимирович Зайцев — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

жь, либо принять ислам (с. 177). Кстати, относительно термина *tat*, упоминающегося на страницах рецензируемой книги, существует большая литература, не нашедшая отражения в труде (что, правда, не входило в задачу авторов)⁴.

Несмотря на целый ряд положительных моментов (богатство и охват этнографического материала, анализ источников, подбор иллюстраций), в книге достаточно материала и для критики. Это в первую очередь касается библиографии, которая составлена с ошибками. Приведу здесь лишь два примера. Вместо правильного названия: Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. II. Одесса. 1848, на с. 426 значится: Бахчисарайские арабски (sic!) и турецкие надписи // ЗООИД. 1850. Т. 2. Фамилия известного российского исследователя истории Золотой Орды М.Г. Сафаргалиева превратилась в "Спаргаралиева" (с. 446).

Кстати сказать, выбор цитированных работ также в ряде случаев вызывает удивление: многие объективно важные книги и статьи пропущены⁵, тогда как работы любительского характера обильно цитируются. Написание польских и венгерских имен в книге дано неправильно, даже названия в русской графике часто не упорядочены. Встречается разноречивая и в написании специфических терминов: "кефенлик бечмек" (с. 404) и "кефинлик бечмек" (с. 412); "кади-эскер" (с. 183) и "кадиэскер" (с. 187), "калги-султан" (с. 180) вместо "калга". Кто из русских читателей (кроме профессиональных тюркологов) привык к вычурному арабскому названию Стамбула "Константиния" (переводу слова Константинополь), которое и среди самих османов то ходило не часто, да и то в основном в позднее время (с. 163, там же автор поясняет, что это то же, что "Исламболь", с. 166; а затем повторяет всю цепочку на с. 171)? Какую цель ставил себе автор, употребляя его в этнографической книге? На мой взгляд, не совсем оправдано и появление в тексте книги термина "Оттоманский" (с. 175, 220 и др.); в современной российской тюркологии довольно давно утвердилось определение "османский" (напр., "Османская империя"), которое адекватно отражает название турецкого средневекового государства (в отличие от западного по происхождению термина "оттоманский", который придает тексту оттенок вторичности). Если дело не идет о намеренной архаизации языка (его стилизации под нормы XIX столетия), лучше придерживаться современного написания.

Есть в рецензируемом труде ряд сомнительных моментов. Несколько удивительно, на наш взгляд, выглядит такое утверждение автора раздела "Формирование крымскотатарского народа": "что касается покоренных монголо (sic!)-татарами оседлых народов, то никакого влияния на традиционную культуру кочевников они не могли оказать хотя бы потому, что между победителями и побежденными лежала непреодолимая пропасть религиозно-идеологических, языковых, культурных и бытовых различий" (с. 143–145). История Крыма, на мой взгляд, как раз является прекрасным примером того, как различные культуры влияют друг на друга, и эта мысль, выраженная в предисловии к книге (с. 5), в ее собственно этнографической части замечательно проиллюстрирована.

Встречаются в рецензируемом труде и не всегда корректные примеры: "могъор" (печать), происходит не от персидского (с. 32), а от арабского *мухр* (мн. *мухур*) в том же значении, вошедшего и в фарси. Иногда одно и то же слово толкуется в книге по-разному: на с. 79 караимская фамилия Узун, происшедшая из прозвища ("длинный, высокий"), несколькими строками ниже считается ведущей свое происхождение от названия племени *узун* (?).

Очень сомнительна реконструкция имени кафинского иудея, который был посредником при переговорах Ивана III с мангубским князем Исайей. Имя "Хозя" не имеет отношения к русскому "хозяин", "купец" (с. 372), а является чрезвычайно распространенной русской транскрипцией персидского по происхождению слова "ходжа" – "человек, пользующийся уважением и влиянием в обществе, начальник, глава, господин". Вообще кажется, что выводы о существовании письменности на крымчакском языке уже в XV в. все же несколько поспешны (с. 385). Источники, упомянутые в качестве доказательства, совершенно этого не подтверждают. Переписка Ивана III с Коккосом в начале 70-х годов XV в. велась не на крымчакском языке, а на иврите. Московскому послу в Крым Н.В. Беклемишеву наказывалось при встрече с Коккосом говорить: "коли будет ему к великому князю грамота послати о каких делех, и он бы жидовским писмом грамот не писал, а писал бы грамоты русским писмом, или бесерменским"⁶.

И.В. Ачкинази приводит сведения отрывка "Ритуала Кафы", в котором говорится, что для большинства членов крымчакской общины некоторые молитвы были переведены на разговорный язык крымчаков, который автор называет "языком таврича", "языком татар", "язы-

ком тюрки” (с. 385). На нем же произносились субботники проповеди. Исходя из этого сообщения, можно сделать вывод скорее о том, что крымские иудеи в быту говорили по-татарски, ведь этот язык не назван как-то специально. Автор крымчакского раздела пишет о складывании единой этноконфессиональной общности крымчаков Крыма в XVI–XVIII вв. (с. 375). Насколько правомерно упоминаемых в источниках евреев Крыма считать крымчаками? Евреи издавна жили в Крыму, но в какой момент они стали “крымчаками”? Остается непонятным, как же различать в источниках крымчаков и иудеев.

Отмеченные недочеты ни в коей мере не умаляют ценности и уникальности книги, которая заслуживает самой высокой оценки. Коллективный труд “Тюркские народы Крыма” – давно ожидаемый итог большой работы ученых России и Украины и огромный шаг вперед на очень не простом пути изучения и сохранения культуры тюркоязычных народов Крымского п-ова.

Примечания

¹ См., например, публикацию соответствующей тетради от 963 г.х. (1555/1556 гг.): *Barkan Ö.L.* Istanbul Saraylağna ait Muhasebe Defterleri // *Belgeler*. Cilt IX. Sayı 13 (1979). Ankara, 1979. S. 17, 23, 30, 31.

² *Öz M.* XV–XVI Yüzyıllarda Canik Sancağı. Ankara, 1999. S. 110–111.

³ *Самойлович А.Н.* Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV–XVII веках // *Зап. Ин-та Востоковедения АН СССР*. Т. 1. Л., 1932 (немецкий вариант этой статьи см.: *Samojlovič A.* Beiträge zur Bienenzucht in der Krim im 14.–17. Jahrhundert // *Festschrift Georg Jacob zum siebenzigsten Geburtstag 26. Mai 1932. Gewidmet von Freunden und Schülern*. Leipzig, 1932. S. 270–275; *Зайцев И.В.* Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.) // *Orientalistica Iuvenile: Сб. статей аспирантов и молодых сотрудников Ин-та востоковедения РАН*. Вып. II. М., 2001. С. 100–137.

⁴ О термине “тат” в крымских текстах см.: *Ivanics M.* Formal and Linguistic Peculiarities of the 17th century Crimean Tatar Letters Adressed to Princes of Transylvania // *Acta Orientalia*. Tomus XXIX (2). Br., 1975. P. 217–218. “Татская страна” (Тат-эли) упоминается и в османских документах. Так, в фирмане Мехмеда IV крымскому митрополиту Давиду (26 зуль’ада 1062 г.х./29 октября 1652 г.) (копия сохранилась в кадиаскерской книге Муртазы б. Музаффара за 1061–163 г.х.) он назван “состоящий митрополитом по мосму Высочайшему берату над неверными Тат-эли и принадлежащих к нему местностей духовное лицо Давид”. Там же упомянут и кади Тат-эли. Публикатор перевода текста Мурат Бей Биарсланов полагал, что Тат-эли – страна, “где живут неверные и мусульмане; по всей вероятности – кефийский и мангупский округи, где как известно, жили христиане” (см.: Фирман Мухаммеда IV митрополиту (Крымскому) Давиду, последовавший в 1062 г. от хиджры (в 1652 г. Хр.лет) // *ИТУАК*. № 7 (год третий). Симферополь, 1889. С. 81). О термине *tat* в крымских документах XVII в. как жителей Южного берега Крыма – подданных османского султана – см. также: *Zihni A.* Z dziejów korespondencji dyplomatycznej między Krymem a Polską w XVII w. // *Rocznik Tatarski*. Т. II. Zamość, 1935. S. 402.

⁵ В караимской части, напр.: *Mann J.* Texts and Studies. Vol. II. Karaitica. Philadelphie, 1935; *Szyszman S.* Communauté karaïte d’Istamboul // *Vetus Testamentum*. 1956. Vol. VI и др. За время подготовки рецензируемого труда к изданию из печати вышло еще несколько трудов по караимской тематике (см., напр.: *Kizilov M.* New Materials on the Biography of S.M. Szapszał in 1928–1939 // *Матер. Девятой ежегодной междунар. междисциплинарной конф. по иудаике*. Ч. 1. М., 2002; *Shapira D.* Avraham Firkowicz in Istanbul (1830–1832): Paving the Way for Turkic Nationalism. Ankara, 2003, где указана большая литература последнего времени, опубликованная в том числе в Израиле, в частности, по некоторым этнографическим аспектам; *Firkavičiūtė K.* Liturgija ir muzika Lietuvos karaimų dievogarboje // *Acta Orientalia Vilnensia*. 2000. 1 tomas. Vilnius, 2001; *Firkavičiūtė K.* Remaining Musics: Lithuanian Karaimes // *Acta Orientalia Vilnensia*. 2001. 2 tomas. Vilnius, 2002) и др.

⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 41; Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I. СПб., 1884. С. 8; *Огородников В.И.* Иван III и зарубежные евреи (Хозя Кокос и Захария Гуил-Гурсис) // Сб. статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова. Казань, 1913.